

"Сколько еще нам придется ждать, Клэр?"

Клэр Чемберлен посмотрела на свою сестру, затем обвела взглядом стол в задней части оккультного книжного магазина, которым они с Сибил управляли в Де-Мойне.

"Мы будем ждать столько, сколько нужно, Сибил", - ответила она. "Мы ждали шестнадцать лет, что такое еще несколько недель или месяцев?"

"Но власть, тетя Клэр! Она выходит из-под контроля", - сказала ее старшая племянница, дочь Сибиллы, Хильда. "Я не знаю, как долго еще мы сможем заземлять ее без последствий. Во вторник я поджарила свою микроволновку, разогревая буррито. Он просто продолжает строить и строить".

Клэр вздохнула и, пожав плечами, согласилась. Когда они с Сибил договорились о ходе действий, которые, будем надеяться, близятся к концу, никто из них не думал, что им придется ждать так долго, чтобы завершить ритуал.

Проклятый Чад, в любом случае, подумала она. Пусть Темный заберет его красивую мальчишескую душу. Если бы он не запаниковал и не сбежал, мы могли бы сохранять статус-кво бесконечно долго.

Но Чад бросил свою жену, ее сестру, после того как стал отцом двух дочерей. И энергии некуда было рассеиваться. А с пятью ведьмами детородного возраста переполнение достигало опасных масштабов. Если бы Чад остался...

Или если бы Марк не умер шесть месяцев спустя, с грустью подумала она. Она скучала по ушедшему мужу каждый день. Он не обладал большой силой, но был спокойным и уверенным человеком, который поддерживал шабаш так же уверенно, как корни дуба держат в земле могучее дерево, которое они поддерживают. Марк был рейнджером в службе парков, но когда он погиб под лавиной, они с Сибил покинули Тетоны и поселились в Айове.

Плоская, скучная, волшебная, глупая Айова.

По правде говоря, она должна была признать, что Де-Мойн был неплохим местом для жизни и воспитания семьи. Школы были хорошие, а в больших городах Айовы, особенно в Де-Мойне и Айова-Сити, ощущалась неожиданная прогрессивная атмосфера. Даже она была потрясена несколько лет назад, когда Верховный суд штата узаконил однополые браки в Айове. Если бы можно было как-то нейтрализовать ужасно неприятную фундаменталистскую жилку, которая отравляла многие маленькие городки и деревни штата, она была бы более довольна.

Снова вздохнув, она оглядела свой ковен за пятисторонним столом. Небольшой, по меркам нашего времени, когда ведьмы объединялись для защиты и силы, он проводил практики, на которые даже некоторые другие ковены смотрели с недоверием. Он был силен своей властью, но с момента смерти Марка был на волосок от исчезновения.

Пять сторон стола. Пять элементов силы, которые объединили их вместе. Пять женщин, связанных кровью и любовью.

Ее сестра Сибилла занимала место Воды слева от нее. Высокая, стройная женщина с каштановыми волосами, которые она носила длинными, она была похожа на их мать, которой не было уже двадцать пять лет, погибшую во время пожара, который поставил в тупик и полицию, и пожарных. Но только не Сибил и Клэр. Они знали, какую роль сыграл Темный в смерти Морин Чемберлен, и когда придет время, долг будет выплачен сполна.

Сибил была одета в длинное, свободное платье с цветочным принтом, в некотором роде возврат к 1960-м годам, в соответствии с ожиданиями публики при посещении оккультного книжного магазина. Ее глаза были такими же острыми, как и ее ум. Когда она не работала в магазине, она преподавала йогу, и ее тело было в форме, как у женщины вдвое моложе ее, а это был сорок один год.

Против часовой стрелки вокруг стола сидела младшая дочь Сибиллы, Агата. Она занимала должность Воздуха. Стройная, как и ее мать, она была гораздо меньше ростом, а свои светлые волосы (подарок непутевого отца) держала коротко подстриженными. Только что закончив первый курс университета Дрейка в Де-Мойне, она носила толстовку и плотную юбку, которая скрывала ее изгибы от вечно жадных мужчин на занятиях по инженерному делу. Ее целью было поступить на инженерную программу НАСА и, возможно, полететь в космос на Международную космическую станцию.

Рядом с ней стояла родная дочь Клэр, Элеонора, занимающая позицию Духа. Старше своей кузины Хильды на два года, она была мягкой, мечтательной женщиной с молочно-белой кожей, которую эффектно оттеняли ее темно-русые волосы, аккуратно спускавшиеся до плеч. Во внутреннем кругу шутили, что из всех них Элеонора больше всего рискует быть сожженной как ведьма, поскольку она больше всего похожа на древний архетип. Однако ее мягкий голос, доброе прикосновение и милый нрав никто бы не принял за нечто большее, чем то, чем она была, - за воспитательницу детского сада в одной из начальных школ Де-Мойна. И ученики, и родители обожали мисс Элли. Однако было бы ошибкой принимать доброту Элеоноры за слабость. Когда требовал случай, она была сильной и непримиримой, как река Миссисипи.

Последней была старшая дочь Сибиллы, Хильда, занимавшая должность Огня. Никогда еще должность и ее обладательница не были так совместимы, ведь волосы Хильды были рыжими, как раскаленные угли костра в ноябрьскую ночь. Двадцати двух лет от роду, она была единственной, кто не окончил колледж. Среднего роста, она имела осанку и присутствие, которые притягивали к ней все взгляды. Ее спелые изгибы гарантировали нескончаемую вереницу мужчин на ее работе тренера по физподготовке. А если бы она решила удовлетворить некоторых из них другими способами, кто бы мог ей возразить?

Хильда, подумала она, будет наблюдать за ней. Всех женщин Чемберленов тянуло к власти. Чем сильнее власть, тем сильнее притяжение. И в их обязанности входило удерживать ее, пока два члена их семьи, не состоящие в шабаше, не достигнут совершеннолетия.

А в семейном ковене Чемберленов мужчина мог достичь совершеннолетия только одним

способом.

Клэр посмотрела на стол, на котором был вырезан знак ее собственной стихии - Земли. Она была самой старшей в группе, ей было сорок четыре года. Ее волосы, хотя и покрытые сединой, были в основном каштановыми, как у ее сестры, и приятно вились по спине. И если у нее не было груди с чашечкой D, как у Хильды и Агаты, то ее собственная грудь все еще была высокой, гордой и упругой. Не испытывая дискомфорта от того, как раздались ее бедра и зад за годы, прошедшие с тех пор, как она начала управлять магазином, она недавно занялась энергичной ходьбой, которая, в сочетании с твердым мнением о подходящей диете, снизила ее вес и объем талии до того уровня, на котором они были, когда она вышла замуж за Марка. Теперь она была, по выражению ее племянницы Агаты, празднично пухлой.

Она неловко переместилась в кресле. Если бы только был способ надежно заземлить энергию! От пяти женщин, четыре из которых были сексуально активны, три - в расцвете сил, а две другие - на пике сексуальности, исходила огромная энергия. Им нужен был мужчина, должным образом связанный с шабашем, чтобы рассеять ее должным образом. В городе размером с Де-Мойн это, как правило, не было проблемой. Правильное рассеивание сохранит невинных жителей счастливыми, здоровыми и возбужденными. А более плодородный ландшафт означал бы только хорошее для фермеров Айовы, которым в эти дни нужна была любая помощь.

Но у них не было мужчины. Несколько парней (без их ведома) были незаметно опробованы за эти годы, но ни один из них не обладал тем сочетанием силы и открытого ума, которое требовалось от них. Поэтому они решили придерживаться плана, который Сибил и Клэр разработали много лет назад. Ждать Джона и Сюзанну.

Она освободилась от отвлекающих мыслей и посмотрела на племянницу: "Я знаю, что вторичные эффекты вызывают беспокойство, Хильда. Но светлая сторона в том, что с таким накоплением, я думаю, мы можем ожидать, что пересечение произойдет скоро."

"Это то, что вы сказали в сентябре прошлого года во время равноденствия". В голосе Элеоноры прозвучала необычная нотка нетерпения. "И на Хэллоуин. И на зимнее солнцестояние. И на их дни рождения в январе. И в день весеннего равноденствия шесть недель назад. Клянусь Богиней, тетя Клэр, мы уже прошли Белтайн! Джон и Сюзанна уезжают в колледж меньше чем через четыре месяца. Что нам делать, если ритуал не будет проведен? Мы не можем держать пару несвязанных ведьм в студенческом городке. Нам удалось сохранить Сюзанну девственницей, а Джона с ней. Если они не будут связаны и окажутся вдали от нас, когда будут пересекаться, кто знает, каковы будут последствия?".

"Оргия поистине эпических масштабов?" - предположила Хильда с ухмылкой. Напротив нее Агата приглушенно фыркнула от мрачного веселья.

"Этого, - твердо сказала Сибил, - не случится. Если нам придется привязать Джона к кровати и заколдовать все двери и окна в его спальне, мы это сделаем. Но он не уйдет, пока не будет проведен ритуал".

Глаза Хильды сверкнули. "Расскажи мне больше, мама. Я нахожу перспективу того, что Джон будет привязан к своей кровати... захватывающей". Под свободной футболкой ее соски без лифчика выпирали, а язык высунулся и коротко коснулся верхней губы.

Сибил фыркнула. "Ты неисправима".

Хильда рассмеялась. "Я очень на это надеюсь. Ни один из этих бледных, дряблых мужчин больше не может удержать мое внимание. Мне нужно что-то более... пикантное. Немного власти. Немного опасности, чтобы ночи были интересными". Клэр подняла брови. Даже по стандартам профессионального персонального тренера ни одного из мужчин, с которыми Клэр видела Хильду, нельзя было назвать бледным, не говоря уже о дряблости. Должно быть, ее терпение истощается быстрее, чем она думает.

"Осторожно, Хильда. Продолжай идти по этой дороге, и ты начнешь гоготать. А как только ведьма начинает гоготать, это лишь вопрос времени, когда ты заговоришь о пряничных домиках и печах", - сказала Клэр.

"И колья. Пруды. Камни. Костры. Будь очень осторожна, кузина", - сказала Элеонора. Она стянула с себя свитер, обнажив торс, который, хотя и был менее изогнутым, чем у ее кузины, тем не менее, имел прекрасные формы. Ее футболка с символикой штата Айова была влажной от пота. "Здесь чертовски жарко", - пробормотала она.

"Не волнуйся. Я знаю, что если я хоть косо посмотрю на кузена Джона в эти дни, тетя Клэр проклянет меня так же, как она прокляла бедных мальчиков, которые приходили обнюхивать Сюзанну. Сколько их уже, тетя Клэр? Шесть?"

"Шесть, - кивнула Клэр, - я молю Богиню, чтобы мне не пришлось делать это с седьмым. Семь - это число силы. Это может привести к обратному результату. И честно говоря, - продолжила она, - я не уверена, сколько еще совпадений я смогу придумать, прежде чем люди начнут подозревать. Или Сюзанна. Я прокляла машины, устроила переезд родителей в другие штаты, вызвала икоту, которая длилась три недели, а в самом последнем случае - довольно тяжелый случай эректильной дисфункции".

"Ларри Зопф, - кивнула Агата, - я встретила его в прошлом месяце на вашем барбекю. Он мне не понравился. Он не мог оторвать глаз от Элеоноры. Мне показалось, что он выглядит немного изнасилованным".

Клэр кивнула, ее глаза были мрачными. "Я тоже так думала. Мысли этого мальчика были как сточная канава. Я последняя, кто осуждает немного здоровой похоти..."

"Или много", - добавила Сибил, широко ухмыляясь.

"...но я бы бросила его в неглубокую могилу, прежде чем позволила бы ему тронуть мою дочь. Он мог думать о ней только как о предмете. Что-то, чем можно владеть и пользоваться, а потом

выбросить", - сказала она с отвращением.

Сибил встала и прошлась по полу: "Итак, вы крепко заперли Сюзанну, говоря метафорически. А как насчет Джона?"

"Да, тетя Клэр. Что насчет Джона?" - спросила Агата. "Я знаю, что Хильде не терпится заполучить его в свои руки и сделать с его невинным, девственным телом неопишуемые вещи, но мы все имеем равные права". Взгляд, которым она посмотрела на Хильду, был почти ревнивым, что было необычно для Агаты, которая была почти такой же вспыльчивой, как Элеонора. Клэр неловко поерзала на своем месте.

"Ничего о Джоне, по крайней мере, сейчас. Несмотря на бейсбольную команду и команду по плаванию, этот мальчик в душе не спортсмен. Он слишком любит свои книги. И между бейсбольной тренировкой, школой и его книгами, ни у одной девушки не было шанса сблизиться с ним после Сэнди в прошлом году".

"Хорошо", - прорычала Агата, - "Ни одна школьная девчонка не станет причиной провала этого шабаша". Ее руки лениво пробежались по бедрам, затем нырнули под юбку, ближе к трусикам. Она моргнула на мгновение, затем положила руки на стол, слегка покраснев.

"Ну, я думаю, мы пережевали все мясо с этой кости. Похоже, у нас нет выбора, чтобы продолжать ждать. Где сегодня днем чудо-близнецы, мама?" - спросила Элеонора.

Клэр отправила свой разум на поиски чар, которые она наложила на своих детей-близнецов в день их рождения и с тех пор обновляла в каждое новолуние, чтобы они никогда не были вне ее досягаемости. То, что она увидела, утешило ее, потому что они были там, где она их ожидала.

"Джон на бейсбольной игре..."

"Опять на скамейке запасных?" - с грустью спросила Хильда. Несколько лет назад она была звездой софтбола в Северной средней школе и научила Джона почти всему, что он знал об игре.

"К сожалению, да. Похоже, тренер считает, что все, у кого средний балл больше 3, не могут заниматься спортом. И я не собираюсь уговаривать его дать Джону игровое время. Он должен его заслужить. А Сюзанна дома, делает домашнее задание".

"Достаточно хорошо. На скучном бейсбольном матче ничего не случится", - сказала Агата, косо ухмыляясь старшей сестре. "Тетя Клэр, не могла бы ты рассказать мне, что Джон читает в эти дни? Я дочитала серию "Сейфхолд" Вебера, и мне нужно что-то новое".

Агата была почти такой же заядлой читательницей, как и Джон. Когда Клэр вывела шабаш из

подсобки и вернулась в закрытый магазин, она сказала: "Ну, я думаю, он нашел нового автора по имени Шэрон Ли...".

Глава 2

Джон Чемберлен сидел на скамейке запасных, наблюдая за игрой Северной средней школы с Рузвельтом. Игра была бессмысленной, так как обе команды находились далеко внизу в турнирной таблице конференции и не имели шансов попасть на региональные соревнования, не говоря уже об отборочных или штате. Он нетерпеливо вздохнул. Он любил бейсбол, но смотреть на плохой бейсбол в игре, в которой он знал, что не будет играть, было очень неприятно. По крайней мере, когда игра заканчивалась, он мог пойти домой и посмотреть игру "Кардиналов", если его сестра не занимала телевизор, смотря передачу о природе на Animal Planet. Джон любил животных, как никто в его семье, но сколько документальных фильмов о сурикатах может посмотреть один человек?

К тому же в последнее время они с Сюзанной чувствовали себя неуютно рядом друг с другом. Казалось, каждый разговор превращался в ссору. Джон очень любил свою сестру, но он начал думать, что они совершили ошибку, согласившись вместе поступить в Иллинойский университет. Это звучало здорово, когда они говорили о том, что выберутся из Айовы и, возможно, найдут друзей из настоящих городов, таких как Чикаго или Сент-Луис. Но всю свою жизнь он провел в кругу семьи. Неужели он действительно хотел, чтобы в его колледже был кто-то, кто мог бы рассказать его новым друзьям о том, как он съел столько сахарной ваты на ярмарке штата, что разлетелся на куски на аттракционе?

Кроме того, неловко признался себе Джон, в последнее время он не мог не замечать тело своей сестры. Сюзанна стала все реже появляться в доме. С потеплением в середине мая она стала носить одежду, в которой ее вышвырнули бы из любого магазина или ресторана в городе. Обрезанные шорты, обтягивающие топы, скупые ночнушки. И когда он указал на то, насколько неподобающей была ее одежда, она просто рассмеялась над ним! Она отметила, что их сестра, мать и другие родственницы носят такую же одежду, и что у него нет проблем с этим, так почему же у него проблемы с ней?

Она была права, признал он. У его матери действительно было горячее тело для пожилой женщины. Как и у его тети Сибил. И его двоюродные сестры. И его сестра Элеонора. Но он считал, что Сюзанна была самой красивой из всех его родственниц. У нее были длинные светлые волосы, ниспадавшие кольцами до плеч, милое лицо и самые удивительные голубые глаза, как у Элеоноры. Красавица из Айовы, вскормленная кукурузой, - так назвал ее один парень, когда они вместе шли в бакалейную лавку. А ее тело! Он слышал, как несколько месяцев назад другая старшеклассница хвасталась, что сняла рубашку, и знал, что у Сюзанны чашечка "С". Не то чтобы ее грудь была важна. Или то, как ее бедра, идеально вылепленные, сливались с попкой. Или сладкая, мягкая кожа ее живота. Или изящный изгиб ее позвоночника, ведущий к шее, как раз туда, где он хотел бы...

Майк Дэвидсон ударил его по руке, и он яростно замычал. "Ради Бога, Чемберлен, может, хватит стучать битой о чертов пол землянки? Если бы я хотел бурить в Китай, я бы переехал в гребанный Техас".

"Извини", - пробормотал Джон, его щеки пылали. Он не мог поверить, что фантазировал о собственной сестре! Он осторожно поправил свою чашку. К счастью, пластиковая накладка на его промежности не позволяла ему достичь полной эрекции. К сожалению, его член, казалось, все равно был полон решимости сделать это. Он старался не стучать битой, но ему было так скучно и он был полон нервной энергии, что с трудом мог сосредоточиться на игре.

Когда солнце село и зажглись огни на стадионе, в начале пятого матча Северная школа проигрывала Рузвельту со счетом 4:2. Было два аута и бегун на первой линии. Джим Харрис, питчер, подал мяч домой. Бэттер Рузвельта размахнулся и отбил медленную вертушку на короткое расстояние. Энди Шепхард перехватил мяч и перебросил его Тому Андерсону на второй линии. Игра была близкой, и бегун проскользнул сильно и высоко. Судья подал сигнал "аут", чтобы закончить иннинг, но Том лежал на земле. Судья на базе жестом указал Норту на скамейку запасных, и на поле выбежали тренер Марковиц и тренер.

"Этот чертов мудака", - сказал Майк, - "Он специально ударил Тома".

Энди Норт, подающий, у которого болела рука, сплюнул шелуху от семечек подсолнуха в кучу выброшенных стаканчиков "Дикси" и фантиков от жвачки, которыми был усеян пол блиндажа: "От него следовало ожидать такого".

"Ты его знаешь?" - спросил Джон.

"Да. Этот урод - защитник в футбольной команде Рузвельта", - сказал Энди, который осенью был запасным ресивером. "Он никогда не радуется, когда может ударить тебя сильно и грязно. Его зовут Джоуи Кокер. Похоже, он только что выбил Тома из игры".

Это определенно было похоже на это. Том хромал с поля, его руки были перекинута через плечи тренера Марковица и тренера. Они довели его до скамейки и сняли левый ботинок.

"Ага. Сломан палец. Как я и думал. Мы приложим к нему лед и отвезем его в больницу, когда игра закончится", - сказал док Стаббинс.

"Ну, а куда смотрят остальные? Мы должны выиграть игру. Куни. Ты выходишь в старте. Бэрроуз на палубе, Флинн в лунке", - крикнул тренер.

Но Куни выскочил на второй. А Бэрроуз подал на третью. Затем Флинн, который за весь день не сделал ни одного громкого фолла, сделал одиночную подачу в центр. А Блейк отбил мяч влево. Скамейка подняла крик, но ветер сбил его с пути. Но он все равно перемахнул через забор, и Блейк вальсировал на вторую позицию, сделав двойной удар с земли, а Флинн остался на третьей. Но должен был появиться Том Андерсон, и его палец был размером с летнюю сосиску.

Бормоча, тренер Марковиц осмотрел печальные остатки своей скамейки. "Трое детей заболели или утверждают, что заболели, а проклятый Иисус-урод на собрании возрождения в Висалии",

- ворчал он. Он уже использовал своего лучшего пинч-хиттера, чтобы получить пробежку в четвертом матче. Он остался в одних трусах. Он вздохнул. Независимо от того, кого он использовал в качестве пинч-хиттера вместо Андерсона, ему понадобится инфилдер, а Чемберлен был единственным, кто у него остался.

"Чемберлен! Бери биты и бей за Андерсона".

Чемберлен, номер 42, бьет за Андерсона, номер 7, - прозвучало в громкоговорителе, когда Джон подошел к площадке.

Невидимая и незаметная, скрытая облаками, полная луна возшла на востоке.

Джон встал в стойку. Его нервная энергия улетучилась, и он чувствовал себя спокойнее, чем за последние несколько недель. Питчер завелся. Еще до того, как мяч был выпущен, он понял, что это кривая, и, судя по углу, она будет низкой. Он стоял в ожидании, пока кэтчер блокировал его для первого мяча. Питчер снова завел мяч. Все звуки и мысли улетучились, и когда низкий быстрый мяч метнулся во внешний угол, его левая нога шагнула вперед, левое плечо опустилось, и алюминий с сокрушительной силой встретился с лошадиной кожей.

<http://erolate.com/book/2463/61715>